

Глава 8. Мастер разрушения Шу Сяомин

В случившемся определенно была доля вины Шу Мина, но и винить его одного было бы несправедливо.

Из всей группы, состоящей из девяти человек, только он почти не имел опыта работы перед камерами. Это привело к фатально низкой чувствительности к объективу — проблеме, о которой в суматохе никто не вспомнил. О ней спохватились лишь в воскресенье, когда до начала выступления оставалось чуть больше часа и шла финальная репетиция.

День первого публичного выступления «Шоу 101» настал.

Толпы фанатов, сжимая в руках билеты, заполняли зал, чтобы стать свидетелями официального старта своих кумиров. До начала шоу оставалось ровно шестьдесят четыре минуты.

В гримерной стоял невообразимый шум.

— Где мой галстук?!

— Здесь, держи!

— Не наступай мне на ноги!

Цзян Итянь, уже закончивший с образом, метался по комнате в поисках Шу Мина.

— Сяо Шу! Шу Мин!

Куда делся этот парень?

Цзян Итянь едва не столкнулся с парой участников из другой группы, которые выглядели не менее взмысленными, но не успел он продолжить поиски, как в гримерной что-то произошло. Сначала раздался грохот чего-то тяжелого, упавшего на пол, а следом — чей-то истошный крик:

— Мои часы!

Цзян Итянь замер, охваченный дурным предчувствием. Дело дрянь, это же голос Ли Цисяна!

Растолкав толпу, он ворвался в эпицентр спора. Ли Цисян, чей образ был уже полностью готов — идеально уложенные локоны, сценический костюм и безупречный макияж — сидел на

корточках. Он, всегда так ревностно оберегавший свой имидж, сейчас совершенно не заботился о том, как выглядит со стороны. Юноша бережно сжимал в ладонях остановившиеся часы, и его глаза были пугающе красными от подступивших слез.

Стоявший рядом парень без конца рассыпался в извинениях, но Ли Цисян даже не смотрел на него. Он лихорадочно крутил заводную головку, пытаясь заставить стрелки снова двигаться. Тщетно.

У Цзян Итяня зашумело в ушах. Только не сейчас! Почему беда всегда приходит в самый неподходящий момент?

В голове роем пронеслись мысли: что делать с выступлением? Как менять расстановку, если придется выходить в восьмером? Нет, прежде нужно понять, насколько всё серьезно.

Хотя Цзян Итянь мог догадаться о случившемся с первого взгляда, он всё же схватил за руку пробежавшего мимо участника и коротко спросил:

— Что произошло?

— В бэкстейдже... слишком много народу, — заикаясь, начал тот. — Они столкнулись, и часы Ли Цисяна просто упали.

Катастрофа. Для успешного выступления эмоциональный настрой — это всё. Фанаты под сценой заметят каждую фальшивую эмоцию, каждое скованное движение. А Ли Цисян сейчас выглядел так, будто у него рухнул мир. Если не привести его в чувство до выхода на сцену, пострадает не только он сам, но и вся группа, в которой к тому же есть неопытный Шу Мин.

Цзян Итянь чувствовал, как голова начинает раскалываться. Было ясно, что эта вещь бесконечно дорога Ли Цисяну, но сейчас первоочередной задачей было его успокоить.

Цзян Итянь перевел взгляд на «виновника» — тот стоял ни жив ни мертв, готовый вот-вот разрыдаться сам. А из зала за стеной уже доносился нарастающий гул голосов...

Даже обычно невозмутимый Цзян Итянь начал терять терпение. Он подошел к Ли Цисяну и попытался заговорить.

— Ли Цисян?

Тишина. Юноша не реагировал на имя.

Цзян Итянь постарался смягчить тон:

— Давай так: я пока заберу часы и приберу их в надежное место? А после записи мы сразу найдем мастерскую.

Ли Цисян не шелохнулся, упрямо продолжая терзать механизм. Внутри Цзян Итяня вспыхнуло раздражение: игнорировать его сейчас было просто верхом безрассудства! Он протянул руку к Ли Цисяну, застыв в нерешительности, и в этот критический момент над самым его ухом раздался чистый, бодрый голос:

— Что случилось? Почему вы все здесь собрались?

— Брат Цзян?

Цзян Итянь обернулся:

— Сяо Шу, скорее, тут Ли Цисян...

И замолчал на полуслове. Мысль просто оборвалась.

Стоявший рядом Ши Хаочжи, тоже решивший полюбопытствовать, проследил за его взглядом и издал сдавленный звук, на секунду превратившись в соляной столп. Его глаза едва не вылетели из орбит.

Мамочки, это что... Шу Мин?! Это действительно он?!

Кто-нибудь, ударьте его, чтобы он проснулся! Это же сон, чистой воды сон!

В холодном белом свете ламп гримерной лицо вошедшего казалось непривычно резким и холодным. Черные пряди волос небрежно падали на брови, подчеркивая мертвенную бледность кожи. Линия подводки, слегка уходящая вверх у уголков глаз, придавала взгляду едва уловимую, волнующую порочность, а в самих глазах читалось легкое, почти небрежное высокомерие.

На нем была лишь черная обтягивающая майка, которая плотно прилегала к торсу, открывая взору мощные, притягивающие взгляд линии мышц. Это был совершенно другой человек.

Ши Хаочжи стоял с разинутым ртом. Неужели это тот самый вечно веселый щенок Шу Мин?!

Цзян Итянь пришел в себя быстрее. Тщательно стараясь не пялиться на новый образ друга слишком долго, он вкратце обрисовал ситуацию. Но стоило Шу Мину открыть рот, как «крутой мачо» мгновенно испарился, уступив место прежнему Сяо Шу:

— Часы сломались? Дай-ка взгляну.

— Ну-ка, ну-ка, не переживай ты так! Может, я смогу починить!

Всё тот же энергичный золотистый ретривер!

Ши Хаочжи облегченно выдохнул и услышал, как синхронно с ним расслабились все окружающие. Если бы Шу Мин вышел на сцену в том «ледяном» состоянии, операторы бы просто не смогли отвести от него камеру.

Пронесло. Хотя стоп... что он сказал?

Ши Хаочжи с хрустом повернул шею в сторону Шу Мина. Тот сказал, что может починить? Часы?

Шу Мин уже вовсю обсуждал план действий с Ли Цисяном. Его жизненное кредо было простым: если есть проблема — решай её, ведь выходов всегда больше, чем тупиков.

— Если ты будешь думать о часах во время выступления, давай попробуем исправить их прямо сейчас. Если же сможешь взять себя в руки и подождать, то сразу после сцены побежим в мастерскую. Профи сделают надежнее.

Ли Цисян оторвал взгляд от часов и пару секунд смотрел на присевшего перед ним парня. У Шу Мина были удивительно ясные глаза; когда он смотрел вот так, сосредоточенно и прямо, в этом взгляде не было ни капли упрека или допроса — только искреннее участие.

На самом деле Ли Цисян понимал: вина лежит на нем самом. Застежка на часах разболталась еще несколько дней назад — он уже ронял их в столовой, и тогда именно Шу Мин поднял их. Он собирался отдать их в ремонт, но во время записи шоу покинуть базу было невозможно. И вот результат... Ему не следовало надеяться на авось и надевать их сегодня.

— Эти часы... — голос Ли Цисяна сорвался, став пугающе хриплым. Он коротко откашлялся. — Это вещь моей покойной сестры. Пожалуйста... попробуй. Если не выйдет — ничего страшного.

Он глубоко вздохнул и выдавил улыбку, которая была горше любых слез.

Шу Мин ничего не ответил. Он лишь схватил Цзян Итяня за руку, шепнул ему пару слов, а затем громко крикнул:

— Брат Е! Можно одолжить у вашей группы воздушный шарик?

Е Лицин, стоявший неподалеку, не стал задавать лишних вопросов. Подхватив шарик, он в два счета преодолел разделявшее их расстояние и протянул его Шу Мину.

Слова Шу Мина о починке не были бахвальством. Во-первых, он действительно умел это делать: с самого детства он обожал всё разбирать. И хотя за это ему частенько влетало, со временем он научился и собирать вещи обратно. В родной деревне он чинил даже стиральные машины и рисоварки, так что часы не были для него чем-то запредельным.

Во-вторых, часы Ли Цисяна были старой механической моделью, без претензий на люкс, а значит, внутри всё было устроено стандартно. В-третьих, легонько встряхнув корпус, Шу Мин услышал характерный звук — запчасти просто сместились, и если их вернуть на место, механизм должен был ожить.

«Только бы ничего не сломалось внутри», — молился Шу Мин про себя. Запасных деталей у него не было, и если там лопнула пружина или ось, тут бы и боги не помогли.

— Поберегись! — Цзян Итянь, бегавший к реквизиторах за инструментами, ворвался обратно.

Шу Мин, сосредоточенно сопя, завязал узел на шарике и, используя силу трения его поверхности, аккуратно открутил заднюю крышку. Ли Цисяна к тому моменту уже увели поправлять макияж — смотреть на процесс было выше его сил.

Вокруг сновали люди, царил хаос, но Шу Мин словно находился в вакууме. Он не замечал ничего, кроме механизма перед собой. Снял крышку, выровнял слегка погнутую стрелку, открутил крошечный винтик...

Окружающие затаили дыхание. Казалось, даже слишком громкий вдох мог помешать мастеру. В тот момент, когда корпус был окончательно вскрыт, Шу Мин едва не издал стон облегчения.

Слава богам и тетушке! Всё целое! Просто от удара одна из шестеренок выскочила из пазов.

Это он мигом исправит. Шу Мин в несколько точных движений вернул деталь на место.

— Готово?

— Почти. Сейчас проверим, пойдут ли.

Все замерли в напряженном ожидании. Шу Мин закрутил последний винтик и... под пристальными взглядами десятков людей секундная стрелка медленно, словно нехотя, дернулась и пошла.

Получилось!

— Ого-о!

— Ничего себе, Шу Мин, ну ты и выдал!

Напряжение мгновенно сменилось ликованием. Шу Мин, сияя от счастья, вскинул часы высоко над головой и замахал Ли Цисяну, который стоял в отдалении. Его глаза искрились, как у ребенка, ожидающего похвалы:

— Ли Цисян!

Толпа подхватила:

— Ли Цисян! Иди сюда, всё работает!

— Ну всё, сейчас Ли Цисян расплачется, — шутили вокруг.

И тут Шу Мина сгребли в охапку в таком мощном объятии, что у него едва ребра не треснули. Тот самый вечно ершистый парень, едва сдерживая дрожь в голосе, впервые прошептал ему:

— Спасибо.

«Снаружи колючий, а внутри мягкий», — улыбнувшись, подумал Шу Мин.

До официального начала первого публичного выступления оставалось ровно тридцать минут и восемь секунд. Шу Мин начал заметно нервничать: всё-таки ему предстояло впервые петь и танцевать перед такой огромной аудиторией!

Цзян Итянь принес ему пиджак, и Шу Мин уже собирался накинуть его, когда кто-то резко перехватил его руку. Ли Цисян.

Он держал в руках черный кожаный наплечный браслет с металлическими вставками и, не говоря ни слова, застегнул его на предплечье Шу Мина. Черная кожа создала резкий, почти агрессивный контраст с молочно-белой кожей юноши.

Аксессуар оказался чуть маловат, и края слегка впились в плоть, оставив на руке заметный красный след. Широкий браслет плотно обхватил бицепс, словно невидимая, но властная рука сжала его, заставляя мышцы слегка напрячься.

Ли Цисян отступил на два шага, но его взгляд словно приклеился к этому браслету, который он только что надел своими руками. Это было запасное украшение, которое не подошло к его собственному образу, и он думал, что взял его зря. Но сейчас оно пришлось как нельзя кстати.

Эффект превзошел все ожидания. Беззаботный «щенок» в мгновение ока превратился в того, перед кем хотелось преклонить колено. А в сочетании с этим холодным, пренебрежительным взглядом Шу Мина образ стал пугающе, почти запредельно притягательным.

Ли Цисян неосознанно облизнул пересохшие губы.

— Надевай пиджак.

И быстро отвернулся. Шу Мин в недоумении проводил его взглядом, но послушно оделся.

Наставник Чжоу Хэбинь уже объявлял номера на сцене — их выход был следующим. Цзян Итянь собрал команду, девять рук легли одна на другую.

— Вперед!

— Что это за дыра? Мы что, будем сидеть на галерке?

Сюэ Инчэн, скрывший лицо за черной маской и кепкой, выглядел внушительнее любого айдола. Гонору в этом парне было больше, чем во всех трейни на сцене вместе взятых.

— Да брось ты, я эти билеты у перекупщиков за бешеные деньги вырвал, — огрызнулся Чжан Цисинь.

В зале погас свет, и они, извиняясь и спотыкаясь, пробирались к своим местам. Чжан Цисинь проклинал всё на свете: попасть на это шоу по записи было почти нереально, а им пришлось действовать спонтанно. То, что он умудрился достать места почти в первых рядах, было настоящим чудом его «денежной мощи». Слава богу, третий сосед уехал к родителям, иначе искать три места рядом было бы совсем невыносимо.

Но капризный наследник Сюэ не унимался, критикуя всё вокруг: сначала места, потом участников... Чжан Цисинь чувствовал, как на лбу вздувается вена. Ошибка, брать его сюда было большой ошибкой! Хорошо еще, что он не взял никакой атрибутики в поддержку Шу Мина — вокруг сидели фанаты других групп, и их взгляды становились всё более подозрительными.

Чжан Цисинь пытался игнорировать нытье соседа, и тут, наконец, на сцену вышел ведущий. Следующей была группа Шу Мина. Чжан Цисинь облегченно вздохнул и покосился на замолчавшего Сюэ Инчэна.

Свет в зале медленно погас. В темноте слышалось возбужденное шушуканье девчонок — все

обсуждали Цзян Итяня и Ли Цисяна, фаворитов этой группы.

Чжан Цисинь приготовил телефон, который одолжил у кузины: она божилась, что на нем сцена получается просто божественно. Еще у него была маленькая камера, но он не был уверен в результате. Пока он копался в сумке, зал внезапно взорвался криком — прожекторы ударили по сцене.

Он вздрогнул и вскинул голову. И больше не смог пошевелить ни единым мускулом. Смартфон, камера — всё было забыто.

Это было... неопишимо. Возможно, сцена и огромные экраны создавали ту самую дистанцию, которая превращала обычного человека в божество. А возможно, искусный грим лишь подчеркнул ту природную красоту, которую они раньше не замечали.

Девять человек на сцене уже замерли в начальной позиции. В самом центре стоял юноша в пиджаке, под которым виднелась майка с глубоким вырезом. Ослепительно белая кожа, резко очерченные ключицы, широкие плечи... Он слегка вскинул голову, коснулся микрофона и начал выступление с невероятно сложного, виртуозного пассажа.

Удары барабанов захлестнули зал, и фанаты ответили на них океаном восторженного крика. Оператор, знающий свое дело, мгновенно дал крупный план.

Лицо, от красоты которого перехватывало дыхание, появилось на всех экранах. Когда Шу Мин сменил позицию, крошечный кристалл в уголке его глаза — на месте той самой родинки — вспыхнул ослепительным блеском. Это был Шу Мин, но сияющий совершенно незнакомым, пугающим светом.

Чжан Цисинь знал, что его друг красив, но масштаб экрана превратил эту красоту в нечто сокрушительное. Было видно, сколько труда вложила группа в этот номер. Танцы были синхронными, движения — отточенными. Шу Мин из всех сил старался не упускать камеру, и пусть ему не хватало лоска Ли Цисяна, эта его легкая неуклюжесть новичка в сочетании с убийственной внешностью вызвала у зрителей щемящее чувство нежности.

А этот костюм! Контраст между его невинным лицом и дерзким образом был просто невыносим.

Их группа была объективно сильнейшей. Под ритмичные удары классического мужского трека напряжение нарастало. Капли пота блестели на скулах. В самый пик выступления Шу Мин, грациозно миновав партнеров, одним резким движением сбросил пиджак и швырнул его в толпу!

Зал зашелся в экстазе. Камера скользнула по его тонкой талии, выхватила кожаный браслет на руке, и в этот миг Шу Мин, опираясь на одну ладонь, легко запрыгнул на высокую платформу. В момент рывка мышцы на руке напряглись, браслет натянулся до предела, и на бледной коже

проступила та самая соблазнительная красная полоса.

Фанаты буквально обезумели. Крик был такой силы, что, казалось, сейчас сорвет крышу. Чжан Цисинь отчетливо услышал, как кто-то из посторонних рядом истошно завопил:

— Шу Ми-и-ин!

Юноша на сцене, находясь в лучах славы, бросил в ту сторону ледяной, почти безразличный взгляд, вызвав новую волну неистовых возгласов.

Возможно, поддержка зала придала ему сил, а может, сцена наконец приняла его... Чжан Цисинь видел: движения Шу Мина становились всё более свободными, более дерзкими. Он больше не просто выполнял заученные шаги — он жил этой музыкой.

Финальная поза. Из краев сцены ударили столбы пламени. И там, в этом бушующем огне, Шу Мин — со своим все еще по-детски чистым лицом, в котором теперь читалась холодная отстраненность — прикрыл глаза и бросил последний, мимолетный взгляд в камеру.

В отличие от нарочитых ужимок и подмигиваний других участников, эта его естественная свежесть и скрытая, волнующая чувственность просто взорвали зал. Как можно обладать таким лицом и смотреть на них вот так?!

Крики сотрясали ночное небо. Неважно, чьи лайтстики они держали в руках и ради кого пришли сегодня — в этот миг все они кричали имя одного человека. И пусть этот хор еще не был самым громким в зале, он уже обрел ту силу, которую невозможно игнорировать.

Путь от безвестности до триумфа был пройден за один вечер. Первое публичное выступление Шу Мина закончилось безоговорочной победой.

Чжан Цисинь долго не мог прийти в себя. Лишь когда сцена снова погрузилась во тьму, он словно очнулся и коснулся своей спины. Рубашка была насквозь мокрой от холодного пота — плата за те мгновения созерцания пугающей, неземной красоты.

Судя по лицу Сюэ Инчэна, сидевшего рядом, тот чувствовал себя не лучше.

Уже на выходе из павильона Чжан Цисинь слышал, как стайки девушек вполголоса обсуждают Шу Мина. Он поправил сумку на плече и наконец-то выдохнул — долго, с облегчением, сам не понимая, откуда взялась эта тяжесть.